

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

§ 1. Местоимение как часть речи

Местоимения — группа слов, с античных времен выделяемая в европейской традиции в качестве части речи. Русский термин «местоимение» является калькой греко-латинских грамматических терминов *ἀντωνομία, проποση*, обозначающих слова — «заменители имен»¹.

В русской грамматической школе от толкования местоимений как слов-заменителей (заместителей) отказываются в XIX в., акцент в их интерпретации переносится на семантику. Согласно устоявшейся квалификации, местоимения — слова, которые не называют предметы, признаки, качества количества, а лишь «указывают» на них (*Русский язык 1964: 118*). Местоимения противопоставляются словам с конкретной номинативной значимостью, т.е. словам, «служащим для называния <...> фрагментов действительности» (*Словарь 1990: 336*): *окно, бег, красный, глиняный, читать, унасть, быстро, темно*. В лингвистической литературе местоименные слова именуются дейктическими (от греч. *δείξις* — «указание»). Слова номинативно значимые — пойте-

---

¹ «Местоимение полагается вместо имени» (*Домоносов 1952: 406*).

тическими (от греч. ποιότης — «качественная определенность»)¹. Местоименный вопрос *что?* приложим к существительным самой разнообразной семантики *дом, стол, вещество, береза, феодализм, ходьба, синева*; к выражениям, обозначающим целые ситуации: — «*А производственным планам это было намечено?*» — «*Что? Да вот пахота залежи*» (пример из: Ардентов 1973: 10); местоименные *какой?* — к прилагательным *синий, кирпичный, тоскливый, розовый, вечный, дружеский, неприкосновенный, спешный* и т.д.

С семантическим своеобразием местоимений тесно связана и их заместительная функция². Ср. использование местоимений *он, тот, этот* в данной функции: *У Хамы вышел из головы последний остаток хмеля. Он (Хома — В.Е.) крестился да читал как попало молитвы (Гоголь); Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот (Кирилла Петрович — В.Е.) подал в суд <...> (Пушкин); Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания; это (отсылка ко всему предыдущему тексту. — В.Е.) польстило ему (Пушкин).*

Долгое время заместительная функция рассматривалась в качестве основного признака местоимений как части речи. Однако если замещение понимать как анафору (греч. ἀναφορά — «отнесение»), т.е. как «отношение между языковыми выражениями (словами или словосочетаниями), состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому» (*Словарь 1920: 32*), то далеко не у всех местоимений усматривается данное функциональное свойство (*Падучева 1985: 133–134*)³. Кроме того, как было отчасти показано выше, местоимения могут отсылать не только к именам (словам, замещать слова), но и к целым фрагментам текста⁴.

¹ «Имя, какое бы оно ни было, существительное, прилагательное или числительное, прямо указывает на вещь или на ее качество и определительно именуется известное число и, следовательно, имеет в себе внутреннее содержание, наглядное, осязаемое <...>» (*Павский 1850: 249*).

² Ср.: «Разновидностью указательной функции является функция заместительная» (*Грамматика 1980, I: 531*).

³ «Demonstrare nesesse est, stare pro nominibus non est nesesse (*указывать необходимо, замещать имена не необходимо)» (*Бюлер 1993: 111*).

⁴ Специально в данной брошюре анафорическая функция местоименных слов не

В морфологическом отношении местоименные слова русского языка очень разнородны. Во-первых, они разбиваются на два класса: изменяемые (типа *я, кто, какой, чей, весь*) и неизменяемые (*здесь, сейчас, почему, зачем*). И хотя, во-вторых, по традиции к местоименным как части речи относят только изменяемые слова¹, однако и это ограничение состава местоимений не дает в результате морфологически однородного класса: по морфологическим особенностям изменяемые местоимения разбиваются на несколько групп. Так, если в основание разбиения положить принцип выраженности у местоимений соответствующих морфологических категорий и специфику последних (в частности противопоставление категорий словоизменительной и классификационной, или коррелятивной и некоррелятивной (*Бондарко 1976: 76 и след.*), типов)², то можно выделить следующие основные морфологические разряды изменяемых местоимений:

1) местоимения, характеризующиеся словоизменительной («последовательно коррелятивной») — *Бондарко 1976: 76–78* морфологической категорией падежа (типа *кто, что, себя, сколько*);

2) характеризующиеся словоизменительной категорией падежа и несловоизменительной категорией числа (типа *я, мы*);

3) выражающие словоизменительные категории падежа, числа, рода (типа *он, какой, чей, всякий*);

4) субстантивированные местоимения, характеризующиеся словоизменительной категорией падежа и несловоизменительными категориями рода, числа (типа *весь, всякий, это — Всё было ложь в тебе*

рассматривается. См. об этом, напр.: *Откутицкова 1982; Падучева 1985*.

¹ М.В.Ломоносов в «Российской грамматике» относит к местоимениям лишь 19, причем только изменяемых слов: *я, ты, он, себя, сам, кто, что, тот, сей, мой, твой, свой, которой, кой, чей, наш, ваш, оный, иной* (*Ломоносов 1952: 540*). А.А.Барсов (1730–1791) в своей «Российской грамматике» к местоимениям относит уже 65 слов, но опять-таки только изменяемых («Местоимение есть часть речи изменяемая <...>» (*Барсов 1981: 526*)). Ср.: «В индоевропейстике вообще издавна распространено мнение, что прежде всего склоняемостью отличаются местоимения от разного рода указательных частиц и наречий» (*Майтинская 1969: 31*).

² Данный принцип декларируется Московской филологической школой в качестве основного при выделении собственно морфологических (грамматических) классов слов (см., напр.: *Грамматика 1980, I: 459; Милославский 1981: 37–38*).

(Тютчев); *Всякому доброе слово найдет. Вот она какая, Мария-то наша* (Б.Полевой)¹).

Предложенная классификация не является ни исчерпывающей (ею не охватываются некоторые местоимения), ни бесспорной — небесспорной потому, что имеющиеся интерпретации состава и специфики категорий, выражаемых теми или иными группами местоимений, не совпадают (см. об этом ниже)².

Местоименные слова существенно различаются между собой и в синтаксическом плане (ср.: *я, что — какой, чей — столько, несколько — здесь, сейчас*). Сходство синтаксических функций с функциями трех основных частей речи³ и числительного, а также (некоторое или значительное) подобие морфологическое положено в основу известного деления данных слов на четыре класса: местоимения-существительные, -прилагательные, -числительные, -наречия).

Грамматическая разнородность местоименных слов ставит значительные проблемы в плане квалификации местоимений как части речи, точнее грамматической выделенности местоимений среди других частей речи. Для лингвистов, которые строят частеречные описания языка в опоре на морфологические признаки слов, специфика местоименных слов (их морфологическая разнородность и сходство с другими частями речи) является основанием либо для полного их «растворения» в других частях речи⁴ (изменяемых местоимений — в существительном, прилагательном и числительном, а неизменяемых — в наречии; см. работы Л.В.Щербы, А.М.Пешковского, М.Н.Петерсона, Р.И.Аванесова и

В.Н.Сидорова, И.Г.Милославского)¹, либо, в том случае если акцентируются специфические морфологические особенности каких-либо разрядов местоименных слов, отличающие эти разряды от слов других частей речи, местоимение как часть речи сводится к данным разрядам (см., напр., «местоимение-существительное» в *Грамматике 1970* и *Грамматике 1980, I*).

Существуют и иные подходы к проблеме объема местоимений как части речи. Согласно А.А.Шахматову, склоняемые местоимения (*Шахматов 1941б: 166*) и несклоняемые (местоименные наречия) суть две особые части речи (*Шахматов 1941а: 422–423*). Иногда местоимения как часть речи толкуются расширительно: в нее включаются как изменяемые, так и неизменяемые местоименные слова (см.: *Майтинская 1969: 31*). Подобного подхода придерживаются авторы школьного курса русского языка В.В.Бабайцева и Л.Д.Чеснокова (*Бабайцева-Чеснокова 1994: 132*).

Неоднозначно решается не только вопрос об объеме местоимений как части речи, но и вопрос о месте последней в системе частей речи. Наиболее известна трактовка, в соответствии с которой местоимения рассматриваются как знаменательная часть речи, причем наравне с такими частями речи, как существительное, прилагательное, глагол, наречие, числительное. Данная трактовка местоимений в настоящее время характерна главным образом для учебной литературы. В научной литературе местоимения чаще всего хотя и относят к знаменательным частям речи, однако уже не наравне с существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Наряду с числительным местоимение, в противовес «основным» знаменательным частям речи, интерпретируется как «неосновная» часть речи (см., напр.: *Грамматика 1980, I: 458*). Иногда местоимениям приписывается особое место в частеречной системе, и они противопоставляются как знаменательным, так и служебным частям речи (*Стеблин-Каменский 1957: 82–83; Стеблин-Каменский 1974: 30–31*). Заслуживает внимания позиция Ф.И.Буслаева,

¹ Последний пример заимствован из четырехтомного академического словаря русского языка (*Словарь 1981–1984, I–IV*). В брошюре довольно большое количество примеров позаимствовано именно из этого словаря. Далее, за исключением отдельных случаев, ссылки на данный словарь не делаются.

² В частности, представленная выше рубрикация строится на распространенном представлении о том, что местоимения характеризуются категориями падежа, числа и рода. В ней не учитывается отношение местоимений к признаку одушевленности—неодушевленности, поскольку этот признак обычно не рассматривается в качестве морфологической категории. Об этом см. главу III (раздел «Категория одушевленности—неодушевленности»).

³ К «основным» частям речи относят существительное, прилагательное, глагол и наречие (см., напр.: *Пешковский 1938: 119; Грамматика 1980, I: 458*).

⁴ «В пределах каждой части речи есть уголок местоименных слов» (*Панов 1960: 14*).

¹ Ср. весьма категорическое суждение О.П.Сунника: «Имена числительные, так же, как и местоимения, вообще ни в одном языке, как это давно уже известно (выделено нами — В.Е.), не представляют отдельных частей речи <...>» (*Сунник 1960: 111*) и «Большинство языковедов определяют местоимение как отдельную часть речи» (*Майтинская 1969: 30*).

относившего местоимения и местоименные наречия к служебным частям речи (Буслаев 1959: 116, 287, 317–321). Функция служебных слов, по Ф.И.Буслаеву, выражение грамматических значений: «Служебные слова соответствуют окончаниям знаменательных частей речи (т.е. флексиям и суффиксам)» (Буслаев 1959: 288). О «служебности» местоимений свидетельствует как их семантика, так и их количество: «Глаголов, существительных и прилагательных имен и наречий знаменательных в языке бесчисленное множество. Потому что предмет речи может быть до бесконечности разнообразен. Что же касается до служебных частей, то число их весьма ограничено, потому что способы сочетания мыслей и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи подводятся в языке к немногим простейшим законам <...>. Слова знаменательные исчисляются в словаре, служебные, ограниченные числом, — в грамматике» (Буслаев 1959: 288).

Иногда к служебным относят только такие местоименные слова, которые выполняют служебные функции. Так, по В.Вундту, заместительная функция это функция служебная; соответственно, местоименные лексемы, используемые в этой функции, относятся к служебным словам (см.: Майтинская 1969: 30). В соответствии с Грамматикой 1980, союзные слова (относительные местоимения и местоименные относительные наречия) совмещают в себе признаки знаменательных и служебных частей речи (Грамматика 1980, I: 720): *Германн вынул из кармана банковый билет и подал его Чекалинскому, который, безло посмотрев его, положил на Германнову карту* (Пушкин); *Деревня, где скучал Евгений, была прелестный уголок* (Пушкин). Вместе с союзами относительные слова описываются в разделе, озаглавленном «Союзы и союзные слова» (там же: 713–722).

Независимо от того, выделяются ли местоимения в качестве части речи, и от того, какое место отводится им в системе частей речи, местоименные слова трактуются как особый семантический разряд лексики, противопоставляемый всему корпусу знаменательной лексики языка. По мнению К.Бюлера, в языке имеются два основных семантических поля — символическое, представленное назывными словами, и указательное, главенствующее место среди средств выражения которого занимают местоименные слова (Бюлер 1993: 75–76). Различение назывных и указательных слов «носит основополагающий характер» (там же: 76). Для формирования семантики предложения средства

указательного поля не менее важны, чем средства символического поля. Содержание указательных элементов интерпретируется посредством ссылки на содержание других указательных же элементов. Например, семантика местоименных наречий *здесь* и *сейчас* может быть адекватно описана только через ссылку на семантику местоименного же слова *я* (*здесь* — ‘в пространстве я’ и т.д.). «<...> Все дейктическое в языке взаимосвязано постольку, поскольку оно получает семантическое наполнение и семантическое уточнение — в каждом отдельном случае — не в символическом, а в указательном поле языка и только там может получать его» (выделено автором. — В.Е.) (Бюлер 1993: 75). Указательное и символическое поля автономны, средства, принадлежащие этим полям, существенно отличаются друг от друга¹. Язык как язык естественный невозможен без наличия одновременно средств того и другого поля. (Вот, кстати, почему К.Бюлер негативно относится к «умозрительной» теории — или, как он еще выражается, «мифу» — о дейктическом происхождении языка; см.: Бюлер 1993: 80–82)².

Взгляды К.Бюлера на местоименные слова весьма симптоматичны. Симптоматичны в том плане, что в них отражается достаточно распространенный подход к интерпретации места дейктических (местоименных) средств в системе языка: несмотря на количественную немногочисленность (см. об этом ниже), местоименные слова формируют одну из важнейших лексико-семантических подсистем языка.

В соответствии с современными представлениями, местоименные слова относятся к одной из трех важнейших сфер («измерений») языка (и в значительной мере её формируют) — сфере прагматики («дектики»). Две другие языковые сферы — семантика и синтактика. «Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них. Синтактика — с

¹ «Следует различать такие вещи, как простое указание на нечто из области непосредственного восприятия и сведения о том, какими свойствами это нечто обладает. Оба эти способа сообщения данных и выделения предмета никоим образом не выводимы друг из друга (выделено автором. — В.Е.), но, вероятно, они призваны дополнять друг друга» (Бюлер 1993: 81).

² По-видимому, влияние этого «мифа» отразилось в стихотворении Н.А.Заболоцкого «Снежный человек»: «<...> И пока тысячелетний Будда Ворожит над собственным глумом, Он себя сравнительно не худо Чувствует в убежище своем. Там, наверно, горного оленя Он свежует около ключа И из слов одни местоименья произносит, громко хохоча».

отношениями знаков друг к другу. Прагматика (дектика) — с отношениями знаков к человеку, который пользуется языком. В своем реальном бытии язык равномерно разворачивается в этих трех измерениях» (Степанов 1998: 175)¹.

§ 2. Семантика местоименных слов

Семантика местоименных слов — одна из сложнейших проблем семиологии.

Отметим две тенденции в интерпретации местоименной семантики: менее распространенную и более распространенную.

Менее распространенным является подход, согласно которому местоименные слова толкуются как разнородные и в грамматическом аспекте (морфологически и синтаксически), и в лексическом тоже. Подобного подхода придерживался, к примеру, В.В.Виноградов: «Местоимения как особый тип слов в современном русском языке лишены не только грамматического, но и лексико-семантического единства» (Виноградов 1972: 252). При таком подходе у местоимений не усматривается интегрирующего семантического признака и они описываются как перечень значений, свойственных отдельным разрядам местоимений.

Более распространенным является представление местоименных слов в качестве единого лексико-семантического класса. На первое место среди «объединительных» версий местоименной семантики следует поставить версию «указательную». Она характерна для работ, посвященных общечастеречному устройству языка, особенно для работ учебного типа. В подавляющем большинстве случаев интерпретация местоименной семантики сводится к предельно лаконичной констатации, состоящей всего лишь в отсылке к понятию указательности: местоименные слова не называют предметы, признаки и количества, а указывают на них (часто противопоставление номинативности и дейктичности акцентируется: местоимения не называют, а лишь указыва-

ют). Подобный способ трактовки обусловлен, по-видимому, представлениями о том, что понятие указательности есть нечто самоочевидное и не требующее детальной экспликации. Правда, часто проявление указательности иллюстрируется примерами следующего типа: местоимение *я* (*этот, кто* и т.д.) не закреплено за каким-то отдельным человеком, может быть столько *я*, сколько говорящих по-русски; следовательно, установить конкретную принадлежность *я*, отталкиваясь только от самого этого слова, нельзя; значит, *я* не называет (обозначает) человека (конкретного человека)¹. Нисколько не отрицая дейктичности местоимения *я*, отметим, однако, что подобное иллюстрирование указательности как интегрального признака местоименных слов не является корректным. Примерно с таким же успехом можно утверждать, что и неместоименное слово, к примеру *дам*, не имеет фиксированной прикреплённости к одному конкретному предмету и нужны какие-то дополнительные средства, чтобы эту прикреплённость зафиксировать.

Из сказанного ясно, что понятие указательности вовсе не так прозрачно, как это может представляться с первого взгляда, и, безусловно, требует экспликации. Это тем более очевидно, поскольку в XX в. постепенно утверждается иной взгляд на семантику местоимений, а именно тот, что семантика указательности свойственна только части местоименных слов².

Так, К.Бюлер, опираясь на труды К.Бругмана, толкует указание (указательность местоименных слов) как выраженный звуком жест, или, точнее, аналог жеста, и прежде всего, конечно, аналог жеста рукой. Назначение жеста состоит в обозначении каких-то, так сказать, очевидных вещей, в частности, связанных с ориентацией человека в пространстве и времени (пространственно-временном континууме). Не случайно К.Бюлер начинает главу об указательных словах (об указа-

¹ Ср.: «Естественный» и прямой способ определения себя для каждого есть название себя по имени» (Шпет 1994: 43). Более точное определение отношения между *я* и собственным именем: «<...> *я* всегда есть синоним некоторого собственного имени — скажем, в данном акте моей речи *я* есть синоним имени Ю.С.Степанов» (Степанов 1998: 384).

² «С семантической точки зрения местоимения, местоименные слова отчасти должны быть включены в группу «указательных слов» с меняющимся применением <...>» (Виноградов 1972: 259).

¹ О прагматике (дектике) см.: Степанов 1997: 373–429.

тельном поле) языка с разговора о назначении дорожных знаков (стрелки вправо, влево, вперед и пр., копирующие «ручной и пальцевой жест человека» — Бюлер 1993: 74). Языковым пространством, в котором оперируют со знаками-указателями, является пространство речи, или же, другими словами, пространство непосредственно воспринимаемой ситуации речи (*там же*: 81)¹. Подобно тому как в ситуации дорожного движения именуются участники, с одной стороны, задающие соответствующие указательные знаки и, с другой — руководствующиеся этими же знаками, в ситуации речевого общения присутствуют участники, выполняющие строго определенные роли. По Бюлеру, речевое общение «есть сложное человеческое событие», «событие социальное». Для всякого социального события (например для женитьбы) «нужны двое». В ситуации речи задействованы минимум два человека. Любое событие разворачивается в пространственно-временном континууме. Система указателей в пространственно-временном континууме речи зависит не от каких-либо внеязыковых качеств обобщающихся субъектов, а только от их ситуативно-языковых ролей. Основные роли две: говорящий, адресант (*я*), и слушающий, адресат (*ты*). Хотя в процессе общения его участники постоянно меняются ролями, но главной речевой ролью всегда остается роль говорящего, поэтому именно позиция говорящего оказывается точкой отсчета системы местоименных (и не только местоименных) указаний (ср., напр.: Степанов 1998: 381–385). Так, *сейчас* — это ‘время осуществления речевой ситуации’, ‘мое время’, ‘время, когда я говорю’; *здесь* речевой ситуации — это ‘в пространстве говорящего’, ‘в моем пространстве’; *сюда* — ‘в пространство говорящего’, ‘в мое местопребывание’ и т.п.

Звуковые жесты, слова-сигналы (в отличие от слов-понятий, или слов-«символов») образуют жесткую и компактную систему. По-видимому, Бюлера можно понимать и так, что слова-сигналы образуют и закрытую систему, поскольку семантика какого-либо слова-сигнала адекватно интерпретируется с помощью знаков только указательного поля (*здесь* — ‘в я-пространстве’ и под.).

К.Бюлер разграничивает способы и типы указания (дейксиса). Способов указания три: наглядный (*ad oculos*) способ, т.е. наглядное указание в каждой конкретной речевой ситуации; анафорический способ; указание к воображаемому (*Deixis am Phantasma*)¹. Первичным и основным является первый способ: «<...> С феноменологической точки зрения будет верным тезис о том, что указательный палец, естественное орудие наглядной демонстрации, все же заменяется другими вспомогательными средствами указания, и эта замена происходит уже в разговоре о присутствующих вещах. Ведь функция, выполняемая им и его эквивалентами, никогда не исчезает полностью и не вытесняется, даже в таком наиболее примечательном и типично языковом способе указания, каким является анафора» (Бюлер 1993: 75).

В опоре на К.Бругмана и К.Бюлера в настоящее время выделяют четыре типа дейксиса: ролевой дейксис — указание на участников речевого акта (*я, ты, мой, твой* и под.); указание на предмет речи (местоимения 3-го лица); указание на степень отдаленности объекта высказывания (*этот, тот, частицы вот, он* и под.); указание на пространственную и временную локализацию сообщаемого факта (*здесь, сейчас* и т.п.) (Словарь 1990: 128; Бюлер 1993: 77–85)².

Интерпретация указательности слов-сигналов в духе Бюлера не позволяет усмотреть у всех местоименных лексем данный признак, т.е.

¹ «Действительность может быть не только объективной, но и мыслимой, воображаемой <...>. Впрочем, различие между этими двумя видами действительности весьма неустойчиво» (Балли 1955: 88).

² Е.В.Падучева разграничивает также «первичный» и «вторичный» дейксис. «<...> Различаются два режима интерпретации эгоцентрических элементов — речевой, когда роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный (повествовательный. — В.Е.), когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует (и в пределах нарративного режима — две стратегии при выборе заместителя говорящего: заместитель-персонаж и заместитель-повествователь)» (Падучева 1996: 265). (Англ. narrative — 1. *сущ.* 1) рассказ, повесть; 2) изложение фактов; 2. *прил.* повествовательный. *Lat. narratus* — рассказ, повествование.) Ср. разграничение Э.Бенвенистом двух языковых временных планов — «плана речи» и «плана истории». План речи проявляется в ситуации непосредственного общения говорящего и слушающего (стандартная, каноническая коммуникативная ситуация). «Исторический» (выделено автором. — В.Е.) план сообщения, в настоящее время закрепленный за письменным языком, характеризует повествование о событиях прошлого» (Бенвенист 1974г: 271).

¹ «Дейктические слова <...> необходимо предполагают наличие объекта в поле чувственного восприятия, в той наглядной ситуации, которая дана в момент речи» (Кацнельсон 1972: 172).

признак указательности. Соответственно, традиционно приписываемая этим лексемам «указательность» как их интегральный семантический признак — это что-то иное, чем просто указательность, т.е. указательность *ad oculos*.

В суждениях о семантике местоименных слов значительное место занимает момент, связанный с их ситуативностью (их отнесенностью к ситуации речи). Выдвижение этого момента характерно для толкования данного типа слов как слов ситуативной природы: «Указательные слова (имеются в виду местоименные слова в целом. — В.Е.) в отличие от назывных ситуативны» (Кацнельсон 1972: 146); «Определение <...> указательных слов вообще через дейксис, как это обычно делают, не вносит ничего существенного, если не добавить, что дейксис совпадает во времени с моментом речи, содержащим указатель лица, эта отнесенность к моменту речи придает указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию» (Бенвенист 1974а: 287). Иными словами, указательность можно, по-видимому, рассматривать как одно из важнейших, но вместе с тем частных проявлений ситуативности, а не наоборот. Ср.: «Употребление таких слов, следовательно, обусловлено только ситуацией речи и ничем другим» (Бенвенист 1974а: 288).

Именно ситуативной природой объясняется и лексическая неполноценность местоименных слов. «Описательный элемент в них очень беден и редуцирован до минимума. <...> Неситуативное содержание <...> сводится к некоторым тощим и абстрактным определениям. Что значит *это* само по себе? Все, что угодно, любое событие, любой предмет, любой признак. Только в конкретной речевой ситуации, иногда с помощью указательного жеста *это* лишается неопределенности и обозначает конкретный объект» (Кацнельсон 1972: 146)¹. Имея в виду незначительный характер значений местоименных слов, Ф.И.Буслаев говорил об этих значениях как значениях отвлеченных (Буслаев 1959: 288; см. также Потебня 1958: 36). Назывные слова — это слова пойкиотетические, воспроизводящие в своем значении «качест-

венную определенность» внеязыковых объектов независимо от речевой ситуации. Местоименные же лексемы не являются пойкиотетическими, они ситуативны (Кацнельсон 1972: 145–146).

С ситуативной теорией местоименного значения теснейшим образом связана теория референциальной¹ природы местоименных слов. Предмет теории референции — механизмы и средства соотнесения высказывания и его частей с действительностью (Падучева 1985: 7). Высказывание невозможно вне речевой ситуации, и референция высказывания осуществляется только в ситуации речи.

Существительное *дом* обозначает любой экземпляр предмета, характеризующегося соответствующими признаками, т.е. любой *дом*. Однако в ситуации речи, в высказывании словосочетание *этот дом* соотнесено с конкретным предметом внеязыковой действительности, причем эта конкретная, данная соотнесенность действительна только применительно к данной же, конкретной речевой ситуации, реализующейся *сейчас* и *здесь* (т.е. во время и в месте осуществления речевой ситуации)². Местоимение *что* во фразе *Что случилось?* соотнесено с каким-то конкретным событием реальной действительности опять-таки в рамках конкретной речевой ситуации; в другой речевой ситуации оно соотносится уже с другим конкретным событием. Несколько упрощая реальное положение дел, можно сказать, что местоимения *этот* и *что* имеют в высказывании двойную значимость, соотносясь, во-первых, с чем-то в реальной действительности, с чем-то во внеязыковых событиях и, во-вторых, с чем-то в языковом событии — событии реализации речевой ситуации, событии речи.

Это чем-то языкового события является в первую очередь его центральная роль, говорящий, я. Я — это тот узел, в котором связываются в единую конструкцию все нити организации ситуации речи. Выбор референтной группы *этот дом* или *тот дом* предопределяется говорящим. Противопоставление *этот* — *тот* описывают обычно следующим образом: ближайший — отдаленный по отношению

¹ От англ. *to refer* — отсылать, относиться, соотносить.

² Ю.С.Степанов указывает на чрезвычайную сложность онтологической квалификации означаемого местоименных слов *сейчас* и *здесь*, справедливо при этом отмечая, «что определить “место, где я говорю” <...> — задача еще более трудная, чем определить момент (т.е. то, что обозначается с помощью слова *сейчас*. — В.Е.)» (Степанов 1998: 381–382).

¹ Ср.: «Они (местоименные слова. — В.Е.) обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которое делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы “беспредметным”» (Виноградов 1972: 260). (Напомним, однако, что В.В.Виноградов настаивает на лексико-семантической разнородности местоименных слов.)

к говорящему (я) предмет¹. Фраза *Что случилось?* имплицитно содержит отнесенность ее содержания к говорящему: 'Я не знаю, что случилось (конкретно), но я знаю, что случилось нечто (конкретное), интересующее меня (я хочу знать об этом), и я прошу тебя сообщить мне об этом' (см.: *Есперсен 1958: 351; Падучева 1985: 244–245*).

Местоименные слова относятся к числу важнейших средств языковой референции. «Общность семантики слов, которые традиционно относят к местоимениям, состоит в том, что все местоимения служат в языке для целей референции» (*Падучева 1985: 133*). Местоименные слова можно разделить, хотя и нежестко, на две группы в зависимости от того, что преобладает в их референциальной функции: отсылка к внеязыковым объектам и событиям посредством их соотнесения с ситуацией речи или же прямая отсылка к самой ситуации речи (ее участникам — я, ты; ее месту и времени — здесь, сейчас; отношению участников к чему-либо — мой, твой; и под.)². Местоименные второй группы называют аутореферентными. Вот что писал Э.Бенвенист о соотношении референтных и аутореферентных знаков: «<...> Законченное индивидуальное высказывание строится в двух планах: во-первых, оно приводит в действие назывную функцию языка и устанавливает в форме различных лексических знаков референтные соотнесенности с

объектами; во-вторых, оно организует эти референты с помощью аутореферентов <...>» (*Бенвенист 1974а: 289*).

В широком плане роль референтных знаков «заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» (там же: 288). «Обращение» языка в речь — это и обращение, превращение предложения в высказывание. Высказывание — это предложение в данном, конкретном акте речи. Обращение языка в речь — это актуализация языка. Обращение предложения в высказывание называют актуализацией предложения. Местоименные слова хотя и относятся к числу важнейших актуализационно-референтных средств, список последних, однако, вовсе не исчерпывают. Главнейшими актуализационными средствами предложения традиционно считаются также грамматические категории, и в первую очередь категории определенности—неопределенности, лица, времени и накло-нения.

Связь местоимений с грамматическими категориями и шире — грамматическими средствами языка — настолько значительна, что это обстоятельство не могло не отразиться на интерпретации местоимений. Так, уже упоминалось, что Ф.И.Буслаев считал значения местоименных слов грамматическими. Но, пожалуй, наиболее заостренно мысль о грамматической природе местоименного значения сформулировал А.М.Пешковский в своей монографии «Синтаксис в научном освещении».

По мысли Пешковского, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории, которые выражают различные отношения «говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит» (*Пешковский 1938: 163*)¹. К такого рода категориям он относит категории времени, накло-нения, лица, вопроса, восклицания, сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоименные слова являются одним из основных средств выражения категорий отношения к говорящему. Однако в сравнении с другими грамматическими средствами языка местоименный способ передачи грамматической информации характеризуется ярким своеобразием. «Местоимен-

¹ Ср., однако: «Это обозначает как ближайший, так и отдаленный предмет, в то время как *тот* обозначает только более отдаленный предмет, и поэтому при наличии обоих членов *этот* обозначает только ближайший предмет <...>» (*Резвин 1973: 123*). Отметим, что выбор одного из элементов пар типа *этот — тот, здесь — там, кто — что* в художественных текстах может предопределяться особыми задачами, а именно стремлением автора текста «приблизить» к себе пространственно-временной континуум изображаемого или, наоборот, «удалиться» от него. Ср., с одной стороны, *Магдалина билась и рыдала, Ученик любимый каменел, А туда, где молча Мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел* (Ахматова) и, с другой стороны, как бы изменилось изображаемое, если вместо *туда* было местоименное наречие *сюда*. Автор повествования становится как бы и его «героем» (участником изображаемого). (Подробнее об этом см.: *Евтюхин 1982*.) Вообще нужно сказать, что местоименные слова и шире — средства «дектики» являются одним из основных инструментов при создании «образа автора».

² Ср., напр., высказывание о референции местоимений я, ты: «Какова же “реальность”, с которой соотносится (имеет референцию) я или ты? Это исключительно “реальность речи”, вещь очень своеобразная. Я может быть определено только в терминах “производства речи” (locution), а не в терминах объектов, как определяется именной знак. Я значит “человек, который производит данный речевой акт, содержащий я”» (*Бенвенист 1974а: 286*).

¹ Ср. квалификацию субъективно-объективной категории в словаре О.С.Ахмановой. Это «синтаксическая категория, обуславливающая относительную законченность сообщаемой мысли в речи». К этой разновидности категорий Ахманова относит по установившейся традиции категории лица, времени и модальности (*Ахманова 1966: 193*).

ния представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни)¹ имеют именно это субъективно-объективное значение, т.е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит (выделено автором. — В.Е.)» (Пешковский 1938: 163). При таком подходе все местоименные слова оказываются связанными с «категорией говорящего и мыслящего», т.е. с «категорией», обозначаемой местоимением я. Все местоименные слова содержат в своем значении отсылку к я, говорящему. Все местоименные слова образуют семантическую сферу, центром которой является местоимение я; это сфера «яйности» в языке (Пешковский 1938: 164).

Отметим, что Пешковский говорит не просто о категории говорящего, а о категории говорящего и мыслящего. Действительно, говорящий в языковом смысле — это не просто озвучиватель каких-то текстов, а их автор, создатель, творец. Он — активное начало в коммуникативной ситуации, или, как выражался Бюлер, в «сложном» событии коммуникации². Естественно, «отношения» автора сообщения к тому, о чем он сообщает, и к тому, кому он это сообщение адресует, весьма многообразны, и многие из этих типов отношений фиксируются лексически — с помощью местоименных слов³.

Учитывая, что изменяемые местоимения содержат в своей морфологической структуре аффиксы (флекси), передающие грамматиче-

¹ К грамматическим «частям» (формативам) слова обычно относят формообразующие аффиксы: окончания, формообразующие суффиксы (типа глагольного суффикса прошедшего времени -л-, суффиксов несовершенного вида -ва- и др.), приставки в формообразующей функции (делал — сделал), постфиксы в формообразующей функции (Письма разносятся почтальоном).

² К примеру, Е.В.Падучева различает следующие «ипостаси» говорящего: «1) говорящий как субъект дейксиса; 2) говорящий как субъект речи; 3) говорящий как субъект познания; 4) говорящий как субъект восприятия» (Падучева 1996: 262–265). См. также о коммуникативных интенциях говорящего: Золотова 1998: 33.

³ Согласно концепции А.А.Шахматова, грамматические категории служат в языке для обозначения «отношений» («грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению»). Грамматические категории делятся на «самостоятельные» (прежде всего имеются в виду синтаксически независимые) и «несамостоятельные» (зависимые). Местоимения (относящиеся к «незнаменательным» частям речи) выражают самостоятельные грамматические категории (Шахматов 1941а: 420–421).

скую информацию (прежде всего о падеже), применительно к изменяемым местоименным словам можно констатировать как бы удвоенную грамматичность их семантики (ситуативно-грамматическое значение корня, сложенное с грамматическим значением аффикса). «Парадоксальность этих слов заключается, стало быть, в том, что у них совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение — формальное и добавочное — формальное. Получается, так сказать, «форма на форме»» (Пешковский 1938: 164)¹. В принципе об удвоенной грамматичности можно говорить применительно и к неизменяемым местоименным словам (типа *здесь, тогда, поэтому*). Только, в отличие от изменяемых местоименных слов, тот план их грамматичности, который не связывается в выражении с корнями, имеет не морфологическую, а исключительно синтаксическую природу, поскольку находит выражение в способе синтаксического употребления².

В пользу гипотезы о грамматичности корневой местоименной семантики говорят и другие соображения, помимо тех, о которых говорилось выше. Например, можно бесспорно утверждать, что значения местоименных слов теснейшим образом связаны с морфологической и синтаксической семантикой, характеризующей неместоименные слова. Например, местоимения *кто* — *что* являются репрезентативным способом обозначения граммем одушевленности—неодушевленности; пара *кто* — *что* (в совокупности) — репрезентант значения «предметности»; *какой* — значения признака; *чей* — значения принадлежности (притяжательности); *я* — *мы, ты* — *вы* — значения собственно лица и т.д.

Местоименные слова в системе языка оказываются своеобразными лексическими «эталоном» грамматических значений и грамматических функций³. Именно этим обстоятельством можно обосновать широко применяемую в языковой практике процедуру местоименных вопросов и местоименной субституции (подстановки местоименного

¹ «Значение местоимений <...> в известной мере противоречиво: будучи грамматическим по содержанию, по своему положению и оформлению в языке оно является лексическим» (Смирницкий 1959: 181).

² Об этом способе выражения грамматических значений см., к примеру, Общее языкознание 1972: 211–212.

³ Ср.: Шведова-Белоусова 1995.

слова вместо неместоименного слова или группы слов) при определении, выявлении специфики грамматического значения или грамматической функции, их групп и разновидностей. Ср., к примеру, известное определение имени существительного: это часть речи, которая отвечает на вопросы *кто? что?* Ср. аналогичные дефиниции прилагательных, числительных, квалификацию основных разрядов наречий; использование местоименных вопросов при определении синтаксических функций: подлежащее — *кто? что?*, дополнение — *кого? чего? кому? чему?* и пр., определение — *какой? чей? который?*, обстоятельства — *где? когда?* и пр.; при определении падежа: *волк — кто?* — им. пад., *волку — кому?* — дат. пад. и т.п. Применением местоименных слов как «эталонов» часто предопределяется конкретная интерпретация многих грамматических значений и функций в качестве, к примеру, именно значения одушевленности, принадлежности (поссесивности), функции определения, дополнения¹ и т.д.

Толкование А.М.Пешковским корневой семантики местоименных слов весьма схоже с ситуативной интерпретацией данного типа слов, а поскольку ситуативная информация, передаваемая местоименными словами, тоже выражается их корнями, то, обобщая оба толкования, охарактеризуем местоименную семантику как ситуативно-грамматическую. Тот феномен отвлеченности местоименного значения, о котором говорилось выше, должен, таким образом, объясняться ситуативно-грамматической природой местоименных корней. Этим же объясняются и специфические синтаксические особенности местоименных слов, и в частности почти полную несочетаемость субстантивных местоимений с определениями (более подробно см., напр.: *Пешковский 1938: 167; Виноградов 1972: 267–269*). Только специфичностью местоименной семантики можно объяснить присущую им функцию союзных слов, т.е. функцию, объединяющую функции служебной части речи — союзов (не являющихся членами предложения) — и знаменательных частей речи (являющихся членами предложения).

¹ Ср., напр., связанную с характером местоименных вопросов возможность квалификации зависимой синтаксической позиции в сочетании *дом отца* как косвенного дополнения и одновременно несогласованного определения: *дом — кого? — отца, дом — чей? — отца.*

Местоименные слова — это очень ограниченная в количественном отношении и почти не пополняемая группа слов. Наиболее полные списки местоименных слов — списки, в которых относительные (*кто, что, какой, чей, где, куда* и т.д.) и вопросительные местоименные слова подаются как самостоятельные лексемы, — обычно включают где-то около 150 единиц. Перечень местоименных корней минимум в пять раз меньше¹ (ср. многочисленные «серийные» образования с одним корнем типа *что?* — вопросительное, *что* — относительное, *ничто, нечего, нечто, что-нибудь, что-либо, что-то, кое-что* и т.д.).

Узость состава местоимений вряд ли может связываться с особенностями их формообразующих аффиксов, ибо в этом плане местоимения чаще всего не отличаются от слов других частей речи (ср.: *какой, какого, какому...* — *золотой, золотого, золотому...*). Узость состава местоимений нужно связывать с корневыми элементами — их перечнем и их семантическим своеобразием. В историческом плане состав местоименных корней предельно ограничен, его пополнения редки и единичны. Что касается семантического своеобразия, то его, по нашему мнению, можно трактовать так, как это делает Ф.И.Буслаев (см. выше): местоименные слова, местоименные корни предназначены выражать в языке грамматические значения, а грамматические средства языка в принципе исчислимы, и их количество должно быть несопоставимо меньше, нежели количество средств с неграмматическими корнями.

Отметим также чрезвычайно высокую частотность употребления местоименных слов в речи. Так, согласно «Частотному словарю» Э.Штейнфельдт, на 387211 случаев использования слов различных частей речи в исследованных автором текстах местоименных употреблений приходится 47020 (*Steinfeldt: 18, 40*)². Если исходить из соотношения «количество лексем той или иной части речи к количеству их словоупотреблений», то местоимения оказываются самой частотной частью речи³. Любопытна приведенная в словаре Э.Штейнфельдт

¹ По мнению французского лингвиста П.Гарда, в русском языке «местоименных корней чуть больше десятка» (*Гард 1985: 216*).

² К местоимениям по распространенной традиции Э.Штейнфельдт относит только изменяемые лексемы (65 единиц).

³ «The most frequently used words in the texts are pronouns» (*Steinfeldt: 40*); последующие места занимают служебные части речи — предлоги, союзы, частицы (*там же: 18*). Ср. почти аналогичные данные: *Частотный словарь 1977: 926–933*.

сводная таблица частотности исследованных лексем (там же: 63–90). В таблице лексемы располагаются в порядке убывания частотности употребления. Таблица открывается самой частотной лексемой — лексемой *и*, и далее следуют: *в* (*во*), *на*, *не*, *он*, *я*, *что*, *с* (*со*), *этот*, *быть*, *а*, *весь*, *они*, *она*, *как*, *мы*, *к* (*ко*), *у*, *ты*, *за*, *тот*, *но*, *вы*, *по*, *из* (*изо*), *о* (*об*, *обо*), *свой*, *же* (*ж*), *сказать*, *так*, *один*, *вот*, *который*, *наш*, *только*, *ещё*, *от*, *какой*, *мочь*, *-то*, *говорить*, *бы* (*б*), *для*, *уже*, *знать*, *да*, *какой*, *когда*, *другой*, *первый*...

Обращает на себя внимание, во-первых, то, что в воспроизведенном фрагменте таблицы местоименные слова «плотно» окружены главным образом служебными лексемами¹, а во-вторых, то, что из 50 первых слов таблицы 20 (18)² местоименные слова. Высокую частотность местоименных слов, при их количественной ограниченности, также, с нашей точки зрения, можно толковать в пользу гипотезы об их своеобразной («форма на форме») грамматичности. В этом же ключе мы толковали бы и причины ограниченности использования местоимений в образовании слов других частей речи (*Энциклопедия* 1979: 138–139).

Таким образом, местоименные слова, думается, составляют в языке группу слов, специфическим признаком которых является ситуативно-грамматический характер их лексической семантики. Именно в этом плане местоименные слова представляют собой семантико-грамматический (лексико-грамматический) класс, который можно квалифицировать в качестве части речи. Но это своеобразная часть речи, она занимает особую зону частеречной системы (см. выше о позиции М.И.Стеблина-Каменского по вопросу о месте местоимений в системе

¹ В этой связи ср. симптоматичное высказывание В.В.Виноградова: «Эта смысловая всеобщность местоимений приводит к тому, что иногда их функции бывают однородны с функциями формальных слов-частиц» (*Виноградов* 1972: 260). (К «частицам речи» В.В.Виноградов относит собственно частицы, связки, союзы, предлоги — *Виноградов* 1972: 42.)

² Частеречные омонимы *что* (союз, местоимение) и *когда* (союз, местоименное наречие) подаются в таблице Штейнфельдт как единые лексемы. Впрочем, если *что* и *когда* дифференцировать по их частеречной отнесенности, это мало бы что изменило в таблице.

частей речи)¹. Рассмотрение местоименных слов «на общих основаниях» со словами других частей речи, без учета их специфической грамматичности, приводит к отрицанию у местоименных слов частеречного статуса и «растворению» их в других частях речи².

¹ Ср.: «Понятно, что в грамматике такая группа слов (местоименные слова. — В.Е.) <...> занимает совершенно особое положение; она внеграмматична в том смысле, что не подходит, взятая в целом, ни под один из грамматических рядов, так как все они создаются формами слов и словосочетаний, а она — корнями слов <...>; и в то же время она сугубо грамматична, так как по значению исключительно формальна и так как корневое значение в ней наиболее отвлеченно из всех грамматических значений» (*Пешковский* 1938: 164).

² Подчеркнем, впрочем, что, в силу значительной неопределенности понятия «часть речи», вопрос о квалификации какого-то словесного разряда как части речи требует предварительного обсуждения проблематики лингвистической классификации, именуемой частеречной. (Можно согласиться с И.И.Резниным, что частеречная классификация «представляет собой некоторое первоначальное» грамматическое «разбиение» слов языка — *Резин* 1977: 133.) В данной брошюре мы эту проблематику не затрагиваем (это может быть темой отдельной и значительной по объему работы), полагая, что читатель в какой-то степени с ней знаком. Достаточно подробное освещение вопроса о частеречном статусе местоимений и об интерпретации понятия частей речи см. в статье: *Евтахин* 1983 (трактовка местоимений в указанной статье в некоторых нюансах отличается от той, что предлагается в настоящей брошюре).